

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

*В ДНИ КОМЕТЫ
ПИЩА БОГОВ*



*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44
У98

Серия «Эксклюзивная классика»

Herbert Wells
IN THE DAYS OF THE COMET
THE FOOD OF THE GODS

Перевод с английского В. Засулич («В дни кометы»),
Н. Галь («Пища богов»)

Художник *Е. Фerez*

Печатается с разрешения The Literary Executors
of the Estate of H G Wells
и литературных агентств AP Watt Limited и Synopsis.

Уэллс, Герберт.

У98 В дни кометы. Пища богов : [сборник] : перевод с английского В. Засулич, Н. Галь / Герберт Уэллс. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 576 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-100327-2

Начало XX века. Время, когда цивилизация сбрасывает старую кожу, когда люди во всем мире с тревогой оглядываются по сторонам, пытаясь вычислить признаки надвигающейся неведомой опасности.

Герберт Уэллс, писатель, гениально переводивший страхи своих соотечественников в фантастическую форму, создает романы, в которых человечество подвергается угрозе уничтожения. «В дни кометы» повествует о приближении к Земле смертоносной космической гостьи, а «Пища богов» — о веществе, роковым образом приведшем к возникновению новой расы, расы гигантов.

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44

© The Literary Executors of the Estate of H G Wells
© Перевод. Н. Галь, наследники, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

В ДНИ КОМЕТЫ

Пролог

История, написанная в башне

Я увидел седого, но еще крепкого человека, который сидел за письменным столом и писал.

Он находился в комнате, в башне, очень высоко над землей, так что из большого окна влево от него виднелись одни только дали: морской горизонт, мыс и мерцание огней сквозь туманную дымку, по которому на закате за много миль узнаешь город. Комната была чистая, красивая, но чем-то неуловимым, какой-то своей необычностью она показалась мне удивительной и странной. Трудно было определить, какого она стиля, а простой костюм, в который одет был этот человек, не говорил ничего ни об эпохе, ни о стране, где все это происходило. «Быть может, это Счастливое Будущее, — подумал я, — или Утопия, или Страна Простых Грез». У меня в голове промелькнули фраза Генри Джеймса* и рассказ о «Великой Счастливой Стране», но так же быстро улетучились, не оставив и следа.

Человек писал чем-то вроде вечного пера — новейшее изобретение, значит, историческое прошлое тут ни при чем. Исписав быстро и ровно лист, он присоединил его к стопке на изящном столике под окном.

* Джеймс Генри (1843–1916) — американский писатель, теоретик литературы.

Последние исписанные листы лежали в беспорядке, покрывая остальные, соединенные в тетради.

Он, видимо, не замечал моего присутствия, а я стоял и ожидал, когда он перестанет писать. Он был, несомненно, стар, но писал без напряжения, твердой рукой...

Высоко над его головой наклонно висело вогнутое зеркало; какое-то легкое движение в нем привлекло мое внимание. Я взглянул вверх и увидел искаженное и потому странное, но очень яркое, многоцветное отражение великолепного дворца, террасы, широкой и большой дороги со снующими по ней людьми, фантастическими, невероятными из-за кривизны зеркала. Я быстро обернулся, чтобы яснее рассмотреть все это из окна, но оно находилось слишком высоко; внизу ничего не было видно, и я снова взглянул в зеркало.

Но в эту минуту человек откинулся на спинку кресла. Он положил перо и вздохнул, точно говоря: «Ох уж эта работа! Как она меня радует и утомляет!»

— Что это за место? — спросил я. — И кто вы?

Он с изумлением оглянулся.

— Что это за место? — повторил я. — Где я нахожусь?

Он пристально посмотрел на меня из-под нахмуренных бровей, потом черты его разгладились. Он улыбнулся и указал мне на стул у стола.

— Я пишу, — сказал он.

— Об этом?

— О Перемене.

Я сел. Кресло было очень удобное, свет падал сбоку.

— Если бы вы прочли... — начал он.

— Это объяснит мне? — спросил я, указывая на рукопись.

— Объяснит, — ответил он и, все еще глядя на меня, потянулся за новым, чистым листом бумаги.

Я окинул взглядом комнату, потом посмотрел на столик.

На одной из стопок очень ясно выделялась цифра «1», и я взял ее, улыбнувшись в ответ на дружелюбный взгляд старика.

— Отлично! — сказал я, вдруг почувствовав себя легко и свободно.

Он кивнул мне и снова стал писать, а я с некоторым недоверием и любопытством раскрыл рукопись.

Вот эта история, написанная жизнерадостным, неутомимым стариком в его уютной башне.

Книга первая

КОМЕТА

Глава I

Пыль в мире теней

1

Я решил описать Великую Перемену, так как она повлияла на мою жизнь и на жизнь немногих близких мне людей, и делаю это главным образом для собственного удовольствия.

Давным-давно, еще в дни моей суровой и несчастной юности, хотелось мне написать какую-нибудь книгу. Скрипеть пером втайне от всех и мечтать о славе писателя было для меня большим утешением, и я очень интересовался литературным миром и жизнью литераторов. Даже и сейчас, среди довольства и покоя, я рад тому, что у меня есть время и возможность хоть частично осуществить свои юношеские безнадежные мечты. Но одно это вряд ли заставило бы меня сесть за письменный стол в современном мире, где так много живого и интересного дела даже для стариков. Я считаю, что такое обозрение моего прошлого необходимо для того, чтобы яснее понимать настоящее. Уходящие годы заставляют наконец оглянуться на

прошлое; для семидесятилетнего человека события его былой молодости имеют гораздо больше значения, чем для сорокалетнего. А я уже потерял связь со своей молодостью, старая жизнь кажется мне отрезанной от новой, кажется такой чуждой и бессмысленной, что иногда я начинаю сомневаться, была ли она вообще. Из памяти стерлись поступки, здания, места. Еще на днях, гуляя после обеда по той местности, где когда-то пустые и мрачные окраины Суотингли тянулись к Литу, я вдруг остановился и невольно спросил себя: «Неужели здесь, на этом самом месте, среди бурьяна, отбросов и черепков старой посуды, я украдкой заряжал свой револьвер для убийства? Полно, было ли это действительно в моей жизни? Неужели у меня могли возникнуть такие мысли и намерения? Может быть, это только страшный ночной кошмар, примешавшийся к моим воспоминаниям о прошлой жизни?» Наверное, у многих еще здравствующих моих сверстников возникают такие же сомнения. Я думаю, что новым поколениям, которые сменят нас в великих делах человечества, понадобится множество таких воспоминаний, как мои, чтобы составить себе хоть некоторое понятие о том мире теней, что предшествовал нашим дням. К тому же моя история довольно типична для Перемены; она застала меня в разгаре любовного увлечения, и мне посчастливилось наблюдать зарождение нового порядка...

Память переносит меня на пятьдесят лет назад, в маленькую полутемную комнатку с подъемным окном, открытым в звездное небо, и я мгновенно чувствую особенный запах этой комнаты — едкий запах дешевого керосина, горящего в плохо заправленной лампе. Лет за пятнадцать до этого электрическое освещение было уже достаточно усовершенствовано, но большая часть населения продолжала пользоваться такими

лампами. Вся первая сцена проходит в моем воспоминании под этот пахучий аккомпанемент. Так пахла комната вечером. Днем же в ней стоял более легкий запах — спертый, острый, который почему-то ассоциируется у меня с пылью.

Позвольте подробно описать вам эту комнату. Она была площадью примерно восемь на семь футов, а в высоту несколько больше. Потолок был беленый, кое-где потрескавшийся, покоробившийся, серый от копоти, а в одном месте расцвеченный желтоватыми и зеленоватыми пятнами от проникавшей сверху сырости. Стены были оклеены коричневато-серыми обоями с красными разводами, изображавшими не то изогнутые страусовые перья, не то цветы акантуса, не лишенные вначале, когда обои были еще новыми, своеобразной тусклой живописности. В обоях зияли дыры — результат бесплодных попыток Парлода вбивать гвозди, чтобы развешивать на них рисунки. Один гвоздь как-то попал между двумя кирпичами и удержался; теперь на нем, при ненадежной поддержке перетершихся и связанных узлами шнурков от шторы, висели полочки для книг из дощечек, покрытых голубым лаком и украшенных узорчатой американской бахромой, едва прикрепленной мелкими гвоздиками. Под полками стоял столик, который брыкался, как мул, при внезапном прикосновении чьего-либо колена. Он был покрыт скатертью, узор которой, черный с красным, разнообразили чернильные пятна — у Парлода вечно перевортывалась бутылка с чернилами; а посередине стола — главное в нашей картине — стояла зловонная лампа. Сделана она была из беловатого прозрачного материала, чего-то среднего между фарфором и стеклом; абажур из того же материала не защищал глаз и только выставлял напоказ пыль и керосин, обильно размазанные по всей лампе.

Неровные доски пола были покрыты облезлой темно-коричневой краской, а в одном месте тускло расцвелал среди пыли и теней пестрый коврик.

Кроме того, в комнате был маленький чугунный камин, выкрашенный бурой краской, с совсем крошечной безобразной решеткой, тоже чугунной, сквозь которую виднелись серые камни очага. Огня в камине не было; из-за решетки виднелись только клочки бумаги и сломанная маисовая трубка; в угол был задвинут облезлый ящик для угля с оторванной ручкой. В те времена каждая комната отапливалась отдельно, и очаг давал больше грязи, чем тепла. Предполагалось, что небольшой камин, подъемное окно и неплотно закрывающаяся дверь достаточно вентилируют помещение.

У одной стены выдвижная кровать Парлода скрывала свои серые от старости простыни под ветхим, заплатаанным одеялом, в то время как под ней нашли себе прибежище всякие ящики и картонки; а по обе стороны окна стояли старая этажерка с разной рухлядью и умывальник с нехитрыми туалетными принадлежностями.

Этот деревянный умывальник изобиловал точечными украшениями, сделанными наскоро, очевидно, для того, чтобы шишками и шариками на ножках и углах скрыть топорную работу. Затем он попал, очевидно, к очень досужему человеку, имевшему под рукой горшок с охрой, лак и набор мягких кистей и щеток. Он сперва выкрасил умывальник охрой, потом вымазал лаком и затем, думается мне, принялся своими щетками и кистями покрывать лак бороздками и кругами под какое-то необыкновенное дерево. Законченный таким образом умывальник прослужил долгую и трудную службу; его резали, кололи, давали ему пинка, били кулаками, пачкали, прожигали в нем

дыры, околачивали его молотком, мочили, сушили — словом, он подвергался всевозможным испытаниям за исключением двух: его пока еще не сожгли и ни разу не чистили. И наконец, после всех злоключений, он нашел убежище в каморке Парлода под самым чердаком, чтобы выполнять несложные обязанности, возлагаемые на него чистоплотностью его последнего хозяина. При умывальнике имелись таз, кувшин, жестяное ведро, кусок желтого мыла в мыльнице, зубная щетка, кисть для бритья, похожая на крысиный хвост, мохнатое полотенце и еще два-три мелких предмета. В те дни только очень зажиточные люди имели более удобные умывальные приспособления, и надо заметить, что каждую каплю воды, употребляемую Парлодом, несчастная служанка — Парлод называл ее «рабыней» — приносила снизу на самый верх дома и затем уносила обратно. Мы уже начинаем забывать, что современная чистоплотность появилась, в сущности, очень недавно. Несомненно, можно смело утверждать, что Парлод никогда не купался и ни разу с самого раннего детства не мылся целиком с головы до ног. Мыться так в то время, о котором я рассказываю, вряд ли приходилось хотя бы одному из пятидесяти.

Комод, тоже оригинально разделанный под какое-то дерево, содержал в двух больших и двух маленьких ящиках весь гардероб Парлода, а деревянные крючки на двери для двух его шляп завершали меблировку «жилой комнаты» накануне Перемены. Впрочем, я забыл упомянуть о стуле с туго набитой «подушкой», довольно неуклюже скрывавшей недостатки плетеного сиденья, и забыл именно потому, что как раз сидел на нем в ту минуту, с которой удобнее всего начать мой рассказ.

Я описал комнату Парлода так подробно, чтобы помочь вам понять, в каком ключе написаны первые

главы моего рассказа; однако не следует думать, что в то время я обращал хотя бы малейшее внимание на эту странную обстановку или на чадную лампу. Все это грязное безобразие казалось мне тогда самой естественной и обычной обстановкой человеческого существования. Таков был мир, который я знал. Мой ум был целиком поглощен более серьезными и захватывающими проблемами, и только теперь, в далеких воспоминаниях, эти мелочи кажутся мне примечательными и значительными, как внешнее проявление душевной сумятицы, в которую повергал нас старый мир.

2

Парлод с биноклем в руке стоял у раскрытого окна. Он искал новую комету, нашел, но не поверил этому и потерял ее снова.

Мне комета только мешала, ибо я хотел говорить с ним совсем о другом, но Парлод был поглощен ею. Голова моя горела, я был точно в лихорадке от забот и огорчений; я хотел поговорить с ним по душам или хоть облегчить свое сердце романтическими излияниями, поэтому я едва слушал то, о чем он мне говорил. Впервые в жизни услышал я о новой световой точке среди бесчисленных светящихся точек Вселенной и отнесся к этому совершенно равнодушно.

Мы были почти ровесники: Парлоду было двадцать два года, а мне — на восемь месяцев меньше. Он служил, по его собственному определению, «переписчиком набело» у одного мелкого стряпчего в Оверкасле, а я был младшим служащим в гончарной лавке Роудона в Клейтоне. Мы познакомились в «парламенте» Союза молодых христиан Суотингли; ока-

залось, что мы оба посещаем курсы в Оверкасле: он изучал естествознание, а я стенографию. Мы стали вместе возвращаться домой и подружился. (Хочу напомнить вам, что Суотингли, Оверкасл и Клейтон соседствовали друг с другом в большой промышленной области Мидленда.) Мы поведали друг другу наши сомнения в истинности религии, признались в нашем интересе к социализму; раза два он по воскресеньям ужинал у моей матери, и я мог пользоваться его комнатой. Он был тогда высоким неуклюжим юношей с льняными волосами, длинной шеей и большими руками, очень увлекающимся и восторженным. Два раза в неделю он посещал вечерние курсы в Оверкасле; его любимым предметом была физическая география, и таким образом чудеса космического пространства полностью захватили его. У своего дяди, фермера по ту сторону болот в Лите, он раздобыл себе бинокль, купил дешевую бумажную планисферу* и астрономический альманах Уитекера; и долгое время дневной и лунный свет казались ему лишь досадными помехами в его любимом занятии — наблюдении за звездами. Его влекли к себе бесконечность просторов Вселенной и те никому не известные тайны, что скрываются в этих мрачных бездонных глубинах. Он неустанно трудился и с помощью очень подробной статейки в популярном ежемесячнике «Небо», издававшемся для любителей астрономии, навел наконец свой бинокль на нового гостя нашей сферы, явившегося из космических пространств. С восторгом смотрел он на маленькое дрожащее световое пятнышко среди блестящих точек, и смотрел не отрываясь. Я должен был подождать со своими излияниями.

* Планисфера — плоская звездная карта с проекцией части небесной сферы.

— Удивительно! — вздохнул он и снова восторженно повторил: — Удивительно! Не хочешь ли посмотреть? — обернулся он ко мне.

Мне пришлось посмотреть, а потом слушать о том, что этот едва заметный странник станет, и очень скоро, одной из величайших комет, какие когда-либо видел мир, и что она пройдет в стольких-то и стольких-то миллионах миль от Земли — совсем рядом, по мнению Парлода; спектроскоп* уже исследует ее химические секреты, хотя никто еще не понял, что за странная зеленая полоса проходит по ней, и что комету уже фотографируют в то время, как она разворачивает хвост — в необычном направлении — в сторону Солнца, и что потом хвост опять свертывается. Я слушал одним ухом и все время думал о Нетти Стюарт, и о ее последнем письме ко мне, и об отвратительной физиономии старого Роудона, которого я видел сегодня днем. Я сочинял ответ Нетти и придумывал запоздалые возражения своему хозяину, и снова образ Нетти заслонял все остальные мысли...

Нетти Стюарт была дочерью старшего садовника богатой вдовы мистера Веррола, и мы с ней влюбились друг в друга и начали целоваться, когда нам не было еще восемнадцати лет. Наши матери были троюродными сестрами и подругами со школьной скамьи; и хотя мать рано овдовела из-за несчастного случая на железной дороге и вынуждена была отдавать комнаты внаем (у нее квартировал помощник клейтонского приходского священника) — словом, занимала более низкое положение в обществе, чем миссис Стюарт, они поддерживали дружеские отношения, и мать время от времени посещала домик садовника в Чекс-

* Спектроскоп — оптический прибор для визуального наблюдения спектра излучения. Используется для анализа веществ в химии, металлургии и т. д.